

Глава 80. Суд Круглого стола

Зал заседаний мгновенно наполнился ропотом недоверия и шока.

Журналисты и горожане явно не были готовы принять столь поспешные и, на первый взгляд, поверхностные выводы. Гул голосов нарастал, подобно мощному приливу, и эта волна возмущения обрушилась на первый ряд. Десятки рук взметнулись вверх; репортеры, перебивая друг друга, жаждали вцепиться в обвинителя своими каверзными вопросами.

На лице офицера Боба, сохранявшего до этого ледяное спокойствие, проступила тень резкой, презрительной усмешки.

— Прокурор Лос, вы используете одну-единственную украденную фотографию как фундамент для своих беспочвенных домыслов. Вы строите обвинение на пустом месте, вытаскивая на свет старые дела трехлетней давности, которые не имеют к этому расследованию ни малейшего отношения! Вы просто пытаетесь пустить пыль в глаза и запутать следствие...

Он подался вперед и коротко, зло рассмеялся:

— Это самая нелепая шутка, которую я слышал в этом году!

Его голос стал жестче:

— У вас нет ни мотива, ни улик. Ваша логика трещит по швам. Прокурор Лос, я бы посоветовал вам не позориться дальше. Сядьте и дайте слово тем, кому действительно есть что сказать.

Боб с силой откинулся на спинку стула, сверля Ли Цзяньчуаня взглядом, острым, как скальпель. Другие полицейские, присутствующие в зале, согласно закивали, глядя на прокурора с нескрываемым раздражением. Один из детективов, сидевший поблизости, даже потянулся к микрофону, намереваясь немедленно прекратить этот «цирк».

Вспышки камер слепили глаза. Из толпы доносились открытые оскорбления, а язвительные выкрики репортеров больно били по ушам.

Впрочем, Ли Цзяньчуань был готов к такому приему.

Боб был прав в одном: связь между торговлей детьми, исчезновением автобуса и убийствами на Тюльпановой авеню выглядела зыбкой. Это были скорее догадки, чем полноценная дедукция. Ли Цзяньчуань прекрасно понимал, что во втором раунде Суда, когда шахматная доска Круглого стола еще не заполнена всеми фигурами, достичь абсолютной истины невозможно. Даже величайший детектив в мире не смог бы сейчас дать безупречно точный ответ, ведь общая картина еще не была завершена.

Он высказал свои подозрения лишь с одной целью: проверить реакцию ключевых игроков и официально объявить имя убийцы жителям Мейна.

Если между этими делами существовала скрытая нить, Ли Цзяньчуань обязан был дернуть за нее, чтобы увидеть истинные роли и взаимоотношения участников так называемой «Истины Круглого стола». Наблюдая за тем, как Боб прошел путь от напускного спокойствия до искренней уверенности в своей безнаказанности; как Джонни всё это время демонстративно не отрывался от телефона; как Андре сохранял маску невинности, украдкой изучая реакцию прессы... Ли Цзяньчуань понимал: каждый из них — лишь осколок огромного пазла.

Этот раунд требовал лишь «правды о серийных убийствах на Тюльпановой авеню», а не разгадки всего глобального заговора. Но если сосредоточиться только на текущем деле, упуская шанс для разведки, то к финалу истина Круглого стола может навсегда ускользнуть от него.

Прокурор был азартен. Он решил: если уж играть, то по-крупному.

— Прокурор Лос, ваше время вышло. Вам лучше пройти в комнату отдыха... — Сидни, хмурясь, поднялся и потянулся к плечу Ли Цзяньчуаня.

— Подождите, офицер Сидни.

Ли Цзяньчуань отвел его руку и нащупал в кармане пиджака знакомую бумагу и ручку. Это была карточка для ответов. Окружающие никак не отреагировали — очевидно, эти предметы были видимы только игрокам.

— Всё, что я сказал ранее, действительно можно назвать лишь предположением. У меня нет неопровержимых улик, которые сложились бы в безупречную цепочку. Но в одном я уверен абсолютно: Андре — истинный убийца. И двое его сообщников, предатели в рядах полиции — это Боб и Джонни.

Уголки губ мужчины слегка приподнялись. Холодная строгость, присущая его нынешней личности, исчезла, уступив место хищной, развязной уверенности. Прежде чем Сидни успел накрыть ладонью микрофон, Ли Цзяньчуань резким движением снял колпачок с ручки.

Чернильная вязь изящных английских букв легла на чистую поверхность карточки. В тот же миг из ниоткуда хлынул густой туман, окутывая игрока защитным коконом. Реальность дрогнула, и он оказался в привычном призрачном мире белой мглы.

«Андре — истинный убийца в деле о серийных преступлениях на Тюльпановой авеню».

Строка, выведенная на бумаге, медленно растворилась в воздухе. Её место заняла другая надпись:

[Каков мотив преступлений Андре?]

Ли Цзяньчуань сделал два шага вперед по твердой поверхности, сотканной из тумана. Впереди, за белесой пеленой, угадывались четыре нечетких силуэта. Он отогнал лишние мысли и ответил предельно кратко:

— Устранение свидетелей.

Остановившись перед клубами пара, он продолжил:

— Хотя тебе нужен ответ лишь по делу Тюльпановой авеню, истинный мотив Андре уходит корнями в трагедию со школьным автобусом трехлетней давности. Мы не можем расследовать то дело сейчас, но очевидно: Андре и трое других водителей были виновниками той катастрофы. Или, по крайней мере, были замешаны в ней так глубоко, что эта тайна три года отравляла их жизни, разрушая психику.

Ли Цзяньчуань на мгновение замолчал, его взгляд стал тяжелым.

— Возьмем, к примеру, Маленького Альберта. Учитывая, как сильно о нем заботился старший брат, его переезд из родового дома в грязную, тесную конуру выглядит нелепо. Разве что у него был секрет, который нельзя было доверять Альберту. Только жизнь в одиночестве могла гарантировать, что тайна не будет раскрыта. Но при этом он не боялся других жильцов; более того, ему нужно было их присутствие, этот фоновый шум чужих жизней, иначе он просто снял бы жилье целиком, где условия были бы лучше.

— Я считаю, он боялся.

В сознании Ли Цзяньчуаня по крупицам восстанавливался образ той захлавленной квартирке и скудные строки полицейских протоколов.

— Он был обычным водителем грузовика, который по какой-то причине стал соучастником преступления или самим убийцей. Замкнутый, робкий, склонный к меланхолии... Он боялся, что, живя под одной крышей с братом, рано или поздно выдаст себя. Или же старший брат уже начал что-то подозревать — после смерти Маленького Альберта тот проявил странную для учителя начальных классов холодность: вместо гневных криков и отчаяния он сразу начал расследование.

— Младший брат съехал, чтобы не подставлять Альберта. Но ему нужны были «знакомые незнакомцы» рядом, чтобы окончательно не сойти с ума в пустой комнате. Или же он предчувствовал опасность и надеялся, что соседи станут невольными свидетелями, если с ним что-то случится.

Ли Цзяньчуань потер подбородок.

— Разумеется, у других водителей тоже была своя реакция, продиктованная их характерами. Самым «нормальным» из них казался Андре. Но вот что странно: с самого начала расследования один из этих четырех водителей постоянно ускользал от внимания. Словно его намеренно игнорировали.

— Четверо водителей. В моей первой роли я был отцом Андре, Лауном. Во второй — братом Альберта. В моей третьей роли, судмедэксперта Тана, я встретил четвертую жертву — Сэма, отца Фэйра. А что же первый погибший?

— Он был словно призрак. О нем не вспоминал никто, кроме сухих полицейских отчетов.

Ли Цзяньчуань поправил шляпу, прищурившись.

— Получив статус прокурора, я истребовал архивы высшего уровня доступа. Наконец-то я узнал его имя: Дак. Почему о нем все молчали? Во-первых, с момента его смерти прошло слишком много времени, а на месте преступления не нашли ни единой зацепки. Во-вторых, за два месяца до его гибели скончалась его мать — последний близкий ему человек. Некому было обивать пороги участков и требовать справедливости.

— Тогда я сделал три звонка в Первую больницу Мейна. Первый — кардиологу, чтобы узнать историю болезни матери Дака. В городе только одна нормальная больница, и если женщина годами страдала от недуга сердца, там должны были остаться записи. Один из врачей подтвердил: мать Дака была его давней пациенткой. Она была крайне осторожна, избегала любых потрясений. Её лекарства всегда были при ней. Поэтому её внезапная смерть от сердечного приступа стала для него неожиданностью.

— Конечно, смерть сердечника от приступа — случай обычный. Но я готов спорить: тем «потрясением», что оборвало её жизнь, стала правда о том, что её сын совершил три года назад. Она либо узнала об этом, либо наткнулась на что-то в его вещах.

Ли Цзяньчуань интуитивно чувствовал: смерть матери Дака была катализатором. Вскоре после похорон четверо водителей собрались в квартире Маленького Альберта. Соседи упомянули об этом вскользь, а полиция не придавала значения — просто друзья решили выпить. Но кто пойдет на попойку меньше чем через месяц после смерти единственного родного человека?

— У меня нет прямых доказательств по Даку, но я уверен: его отношения с матерью были теплыми. Он не мог так быстро забыть свое горе. Он пришел на ту встречу по другой причине. Как я и предполагал: он хотел сдать ся. Хотел рассказать полиции о школьном автобусе. Смерть матери он считал своей виной, а три года жизни в тени стали для него невыносимы. Эти четверо больше не были единым целым.

— В тот вечер они не подали виду. Но когда Дак ушел, остальных захлестнул первобытный страх. По предложению Андре они убили своего товарища.

Как только Ли Цзяньчуань произнес эти слова, туман перед ним начал рассеиваться. Он увидел до боли знакомую обстановку: тесная квартира Маленького Альберта. Четверо мужчин сидят на ковре вокруг низкого столика, заваленного банками из-под пива и остатками еды. Дак — небритый, осунувшийся, с лихорадочным блеском в глазах — что-то эмоционально говорит, вцепившись в свои волосы.

Ли Цзяньчуань не слышал звуков, но по жестам и мимике легко восстанавливал суть. Сэм молча пил, Маленький Альберт с покрасневшими глазами переводил взгляд с Андре на Сэма и обратно. А Андре... он сидел, привалившись к кровати, с выражением глубокой, сочувственной скорби. Он обнимал Дака за плечи, похлопывал по спине, словно утешая. В конце Андре кивнул, будто соглашаясь с каким-то решением. Дак, ощутив облегчение, закрыл лицо руками и разрыдался.

Их посиделки закончились глубокой ночью. Но когда Дак ушел, остальные трое остались. Маленький Альберт что-то прошептал — его лицо исказилось от муки и сомнений. Андре мельком взглянул на Сэма, и его недавнее сочувствие мгновенно испарилось. В его покрасневших глазах вспыхнула ледяная, звериная жестокость. Они не хотели в тюрьму. Они не могли простить Даку его слабости, которую сочли предательством. Спустя месяц тщательной подготовки, дождливой ночью на Тюльпановой авеню, они убили его.

Картина застыла. Темная ночь, проливной дождь. В лесополосе у дороги Дак лежит ничком, из раны на его затылке толчками вытекает кровь, смешиваясь с грязью. Ли Цзяньчуань стоял посреди этого застывшего мгновения, чувствуя, как капли дождя увлажняют его форму. Он присел рядом с телом.

— Дак остался незамеченным, потому что его убийство было идеальным. Ни орудия, ни свидетелей, ни записей с камер. Трое его друзей обеспечили друг другу алиби. Позже, когда двое из них сами стали жертвами, подозрения с этой группы были сняты окончательно. А в кругу общения Дака, за исключением Салливана, просто не было других кандидатур на роль убийцы. Изучая архивы, я сомневался в виновности Андре, но теперь я уверен: это единственно возможный вариант.

— Первое убийство на Тюльпановой авеню совершили трое. Но в остальных случаях этот человек действовал один. Он убирал лишних свидетелей, а собственное нападение просто инсценировал. Потому что он «обезумел» слишком вовремя.

Ли Цзяньчуань смахнул капли воды с лица.

— Я убежден: в этой четверке Андре всегда был лидером. Поступок Дака пробудил в нем паранойю. После первой крови они начали подозревать друг друга. «Если мы убили одного, почему не убьем второго?» Маленький Альберт и Сэм, возможно, лишь терзались сомнениями, но убийца, имея поддержку в полиции, перешел к действиям. Его план, разработанный за тот месяц, был направлен не только против Дака, но и против двух других соучастников.

Сцена смерти Дака смазалась. Ли Цзяньчуань оказался на другом участке Тюльпановой авеню.

Безлунная ночь, двое мужчин идут рядом. Вероятно, Андре выманил Маленького Альберта под предлогом обсуждения того, как избавиться от Сэма. Но стоило тому отвлекаться, как злоумышленник прижал к его лицу платок с хлороформом и затащил в кусты. Камеры на этом участке, разумеется, вышли из строя в самый подходящий момент.

— Между смертью Маленького Альберта и инсценировкой нападения на самого Андре прошли всего сутки. Он понимал: если Сэм узнает о гибели товарища, он может запаниковать и пойти в полицию. Поэтому он немедленно разыграл спектакль со своей травмой. Объединение этих дел в серию убийств тоже началось с подачи Андре. У меня есть все основания полагать, что это был совместный план Боба и убийцы: став «жертвой» в середине цепочки, Андре вывел себя из-под удара.

Декорации сменились. Андре старательно готовил место преступления. Он зажал кинжал между двумя досками и навалился на него спиной. Затем разбросал улики, имитируя борьбу, и с силой ударился головой о дерево. Почти мгновенно послышались сирены полиции и скорой.

Эта сцена напомнила Ли Цзяньчуаню о попытке самоубийства Наннали. То же странное совпадение — патруль оказался рядом в критический момент. Андре действовал по той же схеме. Но его дело назвали серийными убийствами. И прежде чем полиция успела взять Сэма под охрану, Андре добрался до него.

— Сэм был крепче остальных. Когда Андре вскрывал ему живот, тот, вероятно, еще не полностью отключился от снотворного. В яростной борьбе он укусил нападавшего за палец, сорвав ноготь. Чтобы скрыть следы ДНК, убийца вспорол ему желудок. А затем, как мы видели на фото, сбросил тело в пруд, чтобы смыть лишнюю кровь. Имея Боба в качестве информатора, он ничем не рисковал.

Ли Цзяньчуань перевел дух. Надпись перед ним изменилась:

[Почему вы уверены, что Андре — убийца, а Боб и Джонни — его сообщники?]

— Стоит поблагодарить тебя за три попытки «воскрешения». Или, вернее сказать, за три смерти.

Он расстегнул воротник.

— Начнем с того, что, будучи Лауном, я умер от яда в рисовой каше. Сиделка была вне подозрений; полиция подтвердила, что она никого не встретила в лифте. Камеры в холле работали, а внутри кабины — нет. Раньше у меня не было полномочий проверить это, но став прокурором, я сделал еще два звонка. Второй был в службу безопасности больницы. Я истребовал записи того, как санитар входил в лифт на первом этаже и выходил на шестом.

— Выяснилось следующее: санитар вошел в кабину один, это правда. Но лифт не остановился на шестом этаже, а проследовал на самый верх, на десятый. Там двери открылись на

пятнадцать секунд, после чего кабина вернулась на шестой. Камеры на десятом этаже зафиксировали: медсестра Андре как раз собиралась везти его на утреннюю прогулку. Двери открылись, санитар, решив, что приехал, дернулся на выход, но увидев пациента, понял, что ошибся этажом, и вернулся обратно. В этот короткий момент они оказались вплотную друг к другу. Инвалидное кресло убийцы находилось на одном уровне с подносом в руках санитара. Одного незаметного движения было достаточно, чтобы высыпать яд в открытую чашку с кашей. Кнопки лифта, полагаю, были просто перенастроены.

Глаза мужчины на мгновение вспыхнули голубым светом.

— После этого я позвонил лечащему врачу Андре. Он уверял, что пациент под присмотром двадцать четыре часа в сутки. Исключение — только допросы. Врач сказал, что Боб и Джонни навещали его чаще всех. Боб, как ведущий детектив, якобы пытался выудить зацепки из «единственного выжившего». Во время этих бесед в палате не было ни врачей, ни камер. Это нарушение протокола, но медики не смели спорить с полицией.

— Удивительное совпадение: визиты Боба и Джонни всегда совпадали со временем гибели Сэма или нападений на других персонажей. Я не забыл, как Маленького Альберта ударило током. Именно Джонни вел нас той дорогой, и его реакция на оборванный провод была слишком быстрой. Словно он заранее знал, что случится.

Подозрения в адрес Джонни крепили с того самого момента в машине. Теперь же мозаика сложилась.

— Боб и Джонни... почему они помогали Андре? Ответ крылся в деятельности Станции юридической помощи. Именно эта организация — связующее звено. Я еще не знаю всех деталей, но за травлей Салливана в прессе и фальсификацией улики стоит именно она. Там нет невинных. Андре получил от них поддержку. Улики против Салливана — его привычка сидеть дома и элитный ремешок от часов на месте убийства — были слишком слабыми. Дело могло развалиться. Поэтому Станция, используя гнев родственников, подбросила им свои визитки и подтолкнула к радикальным мерам: давлению через СМИ, угрозам и шантажу. Люди в горе не всегда рассудительны. А когда толпе скармливают историю о «богатом убийце и беззащитных жертвах», шторм в обществе поднимается мгновенно.

— Так появились плакаты Лауна и попытка самоубийства Фэйра. Будучи Лауном, я понял: он не хотел прыгать. Он был отцом, у него еще был Андре, о котором нужно было заботиться, он бы не стал так опрометчиво обрывать свою жизнь. Он сорвался, потому что край крыши был смазан маслом. Кто-то хотел его смерти, ведь труп — это куда лучший инфоповод. Андре знал об этом. Он хладнокровен. Когда его отец выжил после падения и пришел к нему, убийца не обрадовался. Он испугался, что старик что-то узнал. И преступник, уже вошедший во вкус, решил убрать родного отца.

— Думаю, Боб всё это время следил за родственниками. Стоило кому-то найти зацепку — как Маленькому Альберту — Андре тут же наносил удар. Что касается Тана... перед тем как я стал им, он во всеуслышание заявил в управлении, что едет в морг. Боб это слышал. Убийца отправился туда же, но он никогда не видел Тана в лицо и по ошибке убил Пита. Впрочем, это

может быть лишь правилом игры: тот, кто копает слишком глубоко, должен умереть.

— И последнее.

Ли Цзяньчуань почувствовал резкую боль в висках. Его голос совсем охрип.

— Рыжая шевелюра Андре слишком заметна. Уборщик в комнате отдыха, которого я видел на записях, не был лысым — это был Андре в латексной маске. Но его выдал привычный жест: он тер глаза. Врач подтвердил, что у него хроническое заболевание глаз. Так что уборщик, человек в морге и тот, кто преследовал Тана — это один и тот же человек. Андре. Это финальная точка в моем обвинении.

Едва он закончил, предметы в воздухе начали светиться. Телефон с записями, кукла Барби, фотографии, сорванный ноготь... Свет стал ослепительным.

Белый туман мгновенно рассеялся. Ли Цзяньчуань снова сидел в конференц-зале. Вокруг царил гробовая тишина. Лица Боба и Джонни побледнели, остальные застыли в шоке или глубокой задумчивости. Похоже, ответ прокурора был каким-то образом продемонстрирован всем присутствующим.

Ли Цзяньчуань опустил взгляд на карточку в своих руках. Она была пуста, но через мгновение на ней начали проступать буквы:

[Ответ принят. Точность: 90%. Полнота: 81%. Время вышло. Врата Суда открыты.]

Этот результат его не удивил. Несмотря на множество оставшихся вопросов о глобальном заговоре, с точки зрения раскрытия конкретного дела о Тюльпановой авеню он справился почти безупречно.

Перед ним возникли массивные черные врата, окутанные дымкой. Мужчина взглянул на часы: до истечения трех часов оставалось меньше десяти минут. Карточка и ручка в его руках начали таять, становясь прозрачными. Глядя на исчезающую бумагу, Ли Цзяньчуань ощутил странный порыв. Ему показалось, что эти предметы обладают зачатками разума.

Поддавшись интуиции, он быстро начертил на тающем листе вопрос:

«Почему после получения статуса прокурора ко мне внезапно вернулась способность ходить?»

Он не ждал ответа. Но карточка, впитав последние капли чернил, выдала строку, которая вспыхнула и тут же растаяла в тумане.

Ли Цзяньчуань успел прочесть. Его взгляд потемнел, в глубине серых глаз застыла холодная

тень.

Надпись гласила:

[Ваш Наблюдатель пожертвовал частью своей осознанной сущности, чтобы восполнить урон, нанесенный вам брешью в структуре Круглого стола. Это ваша игра, действуйте осмотрительно. Мой старый друг.]

<http://bllate.org/book/15871/1507018>